

С л о в о

въ пятокъ второй недѣли великаго поста, при воспоминаніи страстей Христовыхъ ¹⁾).

О духовной христіанской борѣбѣ.

Бдите и молитесь, да не увидете въ напасть: духъ убо бодръ, плоть же немощна (Матѹ. 26, 41; Марк. 14, 38).

Вотъ почему необходимо всегдашнее духовное бодрствованіе, духовная трезвенность, постоянное внимательное отношеніе къ себѣ, къ своей внутренней жизни: духъ нашъ бодръ, а плоть немощна. Какъ видно изъ Евангелій, духъ учениковъ Христовыхъ былъ бодръ: они всегда готовы были на величайшія скорби, лишенія, страданія, даже на самую смерть ради ихъ Возлюбленнаго Учителя; ничто, по ихъ словамъ, и никогда не могло разлучить ихъ съ Господомъ. Когда однажды Христось Спаситель вопросилъ двухъ своихъ приближеннѣйшихъ Апостоловъ, могутъ ли они испить ту чашу, которую Ему необходимо принять, — чашу страданій, позор-

¹⁾ Провзнесено въ церкви Києво Братскаго монастыря 20 февраля 1904 г.

нѣйшаго креста,—чашу величайшихъ мученій и поруганій, они смѣло и безбоязненно отвѣтили: „можемъ“ (Матѳ. 20, 22). Ни малѣйшей тѣни сомнѣнія въ ихъ словахъ, ни малѣйшаго колебанія въ этой святой рѣшимости вездѣ слѣдовать за Господомъ, все претерпѣть ради Него. Въ другой разъ, когда Христосъ Спаситель пророчественно говорилъ: *все вы соблазнитесь о Мнѣ въ ночь сію: писано бо есть: поражу пастыря, и разыдутся овцы стада*, Петръ Апостоль отвѣчаетъ: *аще и вси соблазнятся о тебѣ, азъ никогда же соблажнюся* (Матѳ. 26, 31. 33). Какая „бодрость“ духа, какая святая ревность, какая беззавѣтная преданность Тому, ради Котораго все оставлено—и домъ, и братія, и сестры (Матѳ. 19, 27)! Тотъ же св. Апостоль Петръ еще сильнѣе и рѣшительнѣе выражаетъ свою безконечную любовь къ Господу: *аще ли есть и умереть съ тобою, не отвергуся тебе* (Матѳ. 26, 35). То же самое повторяютъ и другіе ученики Господа (Матѳ. 26, 35).

Но что мы видимъ въ послѣдствіи?... *Духъ... бодръ. плоть же немощна*. Ревностнѣйшій исповѣдникъ въры во Христа, Апостоль Петръ, отрекается отъ своего Возлюбленнаго Учителя, *страха ради иудейска*,—усиленно клянется, что онъ не знаетъ этого Человѣка (Матѳ. 26, 69 и дал.); при взятіи Господа подъ стражу все ученики въ страхъ оставляютъ Его и бѣжать (Матѳ. 26, 56 и параллел.). А въ саду Геосиманскомъ,—въ эту великую ночь,—въ эти часы моленія о чашѣ, избраннѣйшіе и приближеннѣйшіе Апостолы Христовы не могутъ *побѣти* съ своимъ Господомъ и одного часа и предаются сну въ то время, когда душа ихъ Учителя прискорбна *даже до смерти*, когда въ тяжкомъ молитвенномъ подвигѣ кровавый потъ выступаетъ на Его лицѣ, Онъ скор-

бить и тужить, и ангель Господень укрѣпляетъ Его (Матѳ. 26, 37; Лук. 22, 42—44).

Таково вообще свойство нашей природы, что духъ нашъ бодръ, а плоть немощна. Духъ нашъ есть начало божественное; онъ пламень отъ божественнаго пламени; онъ—отъ неба, а потому, естественно, обращается къ небу, какъ своему истинному отечеству, гдѣ онъ можетъ найти для себя полное успокоеніе. Онъ жаждетъ правды, стремится къ истинѣ, тяготеетъ къ вѣчной и неизмѣнной красотѣ; онъ ищетъ горняго, услаждается только закономъ божественнымъ (Римл. 7, 22). Но *окаяненъ азъ человекъ: кто ли избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Римл. 7, 24)?... Плоть или плотность приковываетъ насъ къ земному, внѣшнему, чувственному; она ослабляетъ, или даже совершенно подавляетъ богоподобные порывы нашего духа. *Умолъ моимъ*—говоритъ св. Апостоль—*работая закону Божію, плотию же закону грѣховному* (Римл. 7, 25). *Плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плотъ* (Галат. 5, 17).

Вникнемъ въ свою внутреннюю, духовную жизнь, и мы ясно увидимъ этотъ всегдашній мучительный разладъ въ насъ между вѣчнымъ и временнымъ, небеснымъ и земнымъ, духовнымъ и плотнымъ. Мы часто одушевляемся самыми возвышенными, благородными, чистыми желаніями и стремленіями. Жить по Богу, дѣлать все отъ души, совершать все по совѣсти, по чувству долга—вотъ что предносится намъ, какъ нѣчто безусловно необходимое съ нашей стороны, безъ чего самая жизнь наша невысказима, потеряетъ свой истинный смыслъ. Правда, честность, полное безкорыстіе, неустанное дѣланіе для блага другихъ—вотъ что насъ одушевляетъ. Мы готовы выступить самоотверженными борцами противъ вся-

кой поруганной справедливости, твердо стать на защиту оскорбленной, угнетенной личности. Яркою путеводною звѣздою сияють предъ нами высшіе идеалы добра... Что, думаемъ мы, значить наша себялюбивая личность, наши мелкіе житейскіе интересы, наше пустое честолюбіе?... Все это должно быть принесено въ жертву ближнему; меньше нужно думать о себѣ и больше о другихъ; въ любви, вѣдь, полнота жизни, въ любви человѣкъ усовершенствуется. Прощай, терпи, люби, борись, страдай,—будь готовъ всѣхъ заключить въ свои объятія—вотъ истинная жизнь. А дѣла,—думаемъ мы,—сколько дѣла на всѣхъ поприщахъ,—дѣланія самага плодотворнаго, живительнаго, гдѣ необходимо самоотверженно приложить свои силы; жатва, вѣдь, на всѣхъ поприщахъ многа, а дѣлателей мало. И какимъ образомъ—задумываемся мы—люди живутъ, не сознавая всего этого,—не сознавая того, что придаетъ жизни истинную цѣну? Нѣтъ, искренно повторяемъ мы: „если и всѣ отвергнутся, мы не отвергнемся“.

Но блѣднѣютъ всѣ эти наши благородные мысли и желанія, и съ теченіемъ времени испаряются, какъ дымъ. Слышатся намъ укоризненные слова Господа: *Симоне, спиши ли? Не возмогъ еси единого часа побдѣти* (Марк. 14, 37)! Гдѣ наша прежняя духовная бодрость, гдѣ высокій подъемъ и напряженіе нашихъ духовныхъ силъ? Гдѣ прежніе юные, одушевлявшіе насъ, святые идеалы?... Гдѣ?... *Симоне! спиши ли?...* Вступивши въ жизнь, мы ради Господа, ради исполненія Его святой воли, не можемъ часто побдѣти съ Нимъ и одного часа. Гдѣ прежніе наши святые стремленія и порывы?... Заглушила ихъ маммона, какъ подавляетъ собою терніе произрастающіе земные злаки (Матѳ. 13, 7). И мы

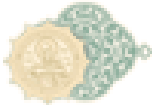
становимся рабами мелкой житейской заботы и суеты, дѣлающей насъ низкими и трусливыми, рабами своего себялюбія,—этого могущественнѣйшаго владыки съ его цѣлою толпою разныхъ слугъ, въ видѣ различныхъ чувственныхъ побужденій и страстей.

Такъ, духъ нашъ бодръ, а плоть немощна. Вникнемъ въ свою духовную жизнь. Что видимъ? Подобно евангельскому мытарю мы взываемъ: „Боже! милостивъ буди миѣ грѣшному“, и съ евангельскимъ фарисеемъ помышляемъ: „нѣсмь якоже прочіе чловѣцы“ (Лук. 18, 11. 13). Съ разбойникомъ вопіемъ: „помяни мя, Господи“, и съ невѣрующими Гадаринцами не желаемъ принять грядущаго къ намъ Господа. Изъ глубины души взываемъ: „покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче“, и вновь остаемся въ прежнемъ нераскаяніи, вновь возвращаемся къ привычнымъ грѣхамъ. Плачемъ, и припадаемъ, и молимъ вмѣстѣ съ Марією Магдалиною, а дѣлъ сей святой жены не творимъ... *Окаяненъ азъ чловѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея* (Римл. 7, 24)?

Вотъ откуда ясно открывается необходимость постоянного духовнаго бодрствованія, духовной трезвенности; послѣдняя совершается только при помощи всеильной благодати Божіей, врачующей наши немощи, а не нашими собственными слабыми силами. *Возмогайте о Господь и въ державѣ крѣпости его* (Ефес. 6, 10),—въ надеждѣ на Господа, въ упованіи на Его всемогущую силу (Ефес 3, 20). Христіанство требуетъ отъ всѣхъ насъ нравственнаго подвига, неустанной духовной брани. Не всѣхъ зоветъ оно въ пустыни и въ монастыри, но всѣмъ повелѣваетъ подчинить свою плоть духу. Есть разныя формы христіанскаго аскетизма, но по существу жизнь христіанина есть аскетика,—всегдашнее дѣятельное стрем-

леніе дать торжество духовному началу надъ плотнымъ, сдѣлать тѣло достойнымъ орудіемъ духа, преобразовать чрезъ развитіе духа уже здѣсь, насколько это возможно, тѣло душевное въ тѣло духовное (1 Коринѣ. 15, 44 и дал.). „Основы жизни пустынь... тождественны съ общехристіанскими основами жизни: тамъ данъ и выработанъ, точнѣе разъясненъ евангельскій общечеловѣчскій идеаль... Аскетическій моментъ въ христіанствѣ Церковь считаетъ общею составною частью жизни христіанина, аскетическое дѣланіе признаетъ обязательнымъ не только для отшельника или монаха, но и для всякаго, хотящаго жить во Христѣ и по Христу, и въ мірѣ, и въ семьѣ, и въ обществѣ“.

Какъ, поэтому, заблуждаются тѣ, которые въ настоящее время такъ усиленно защищаютъ „плоть“, натуральное, человѣческое, взятое въ самомъ себѣ, рѣшительно утверждая, что это человѣческое не заключаетъ само въ себѣ никакой безусловной нечистоты, и оно должно быть воспринято христіанствомъ, соединено съ нимъ, ибо путь къ сверхъестественному, христіанскому лежитъ для насъ только отъ этого натурального, человѣческаго, взятаго въ самомъ себѣ. Кто вѣдаетъ Писаніе и кто внимательно всматривается въ свою внутреннюю духовную жизнь, тотъ хорошо знаетъ, что это человѣческое, натуральное въ насъ омрачено, заражено, грѣховно; въ немъ нѣтъ единства и гармоніи, а замѣчается всегдашній разладъ между духомъ и плотью. Вотъ дѣла плоти: „прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, (соблазны), ереси, ненависть, убійства, пьянство, безчинство и тому подобное“ (Гал. 5, 19—21). А вотъ дѣла духа: „любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кро-

тость, воздержаніе“ (Гал. 5, 22. 23). Поэтому христіанство не можетъ воспринять челоувѣческаго въ его непосредственной натуральности, а должно его преобразовать, одухотворить. *Рожденное отъ плоти плоть есть* (Іоан. 3, 6),—всегда оно носитъ на себѣ печать чувственности, плотяности, грѣховности. Христоръ Спаситель принялъ нашу плоть *кромя грѣха*, и потому Богочеловѣчество Христа Спасителя вовсе не говоритъ о существованіи въ насъ „святой плоти“. И къ чему, спрашивается, это восхваленіе натурального, челоувѣческаго, взятаго въ самомъ себѣ, это горделивое самоублаженіе чистотою челоувѣческой природы, когда и христіанство не отрицаетъ въ насъ задатковъ добра, хотя и помраченныхъ, и не подавляетъ лучшихъ сторонъ челоувѣческаго, а только очищаетъ послѣднее отъ всякихъ плевелъ, возросшихъ на немъ. Хорошо ли челоувѣку больному, но могущему стать здоровымъ, при надлежащей врачебной помощи, усиленно твердить, что онъ совершенно здоровъ и никакого врача не требуетъ? Хорошо ли челоувѣку не знающему, но могущему обладать знаніемъ, постоянно говорить, что онъ много знаетъ и въ помощи образованія не нуждается? Не значить ли это вводить насъ въ явный обманъ, ослаблять въ насъ нужную намъ духовную энергію? А такъ именно поступаютъ эти защитники „святой плоти“.

Многіе успокаиваются на томъ, что время борьбы, духовной трезвенности, внимательнаго самонаблюденія еще впереди, а пока лучше жить,—воспользоваться отъ жизни всемъ, что она даетъ,—испытать всякія утѣхи и чувственныя наслажденія. О, это опасный жизненный путь!... Нужно бороться съ врагомъ тогда, когда онъ еще только къ намъ приближается,

противъ насъ злоумышляетъ и строить противъ насъ свои хитрые ковы. Когда же врагъ окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ, отнялъ у насъ все наше лучшее достояніе, тогда борьба съ нимъ трудна, а часто и совершенно невозможна. Сколько драгоценныхъ жизней погибаетъ именно потому, что не отражены первыя искушенія, первые приступы врага, и, подчиняясь постепенно все болѣе и болѣе его пагубному вліянію, стали наконецъ живыми уловлены въ діавольскія сѣти. Развѣ мы не видимъ прекраснаго, здороваго юношу, воспитаннаго въ истинно-христіанской семьѣ, который, не отразивши первыхъ нездоровыхъ наслажденій своей молодости, погибъ безвременно въ бурѣ сожигающихъ его страстей? Развѣ не видимъ чистой, какъ ангелъ небесный, дѣвушки, которая не поняла первыхъ влеченій своего любящаго сердца и такъ же безвременно погибла?... А этотъ несчастный, изможденный, разбитый, еле влачашій свои ноги, потерявшій почти человѣческій видъ!.. Кто онъ? Погубили тѣ же страсти, которыя, подобно змѣю, подкрадывались къ нему и постепенно высосали у него все лучшее... Мы сожалѣемъ о прожитомъ, бичуемъ и проклинаемъ себя, но уже поздно: врагъ овладѣлъ нами.

Всегда необходима духовная борьба, духовное бодрствованіе и трезвенность. Въ этой духовной брани христіанинъ не предоставленъ своимъ собственнымъ немощнымъ силамъ, а ему подается божественное оружіе, могущее разрушить всякія твердыни врага (2 Коринѳ. 10, 4). „Примите—научаетъ насъ св. Апостоль—всеоружіе Божіе, дабы вы могли противустать въ день злый и, все преодолѣвъ, устоять. Итакъ, станьте, препоясавъ чресла ваши истиною и облекшись въ броню праведности, и обувъ ноги въ готов-

ности благовѣствовать миръ. А паче всего возьмите щитъ вѣры, которымъ возможете угасить всѣ раскаленные стрѣлы лукаваго; и шлемъ спасенія возьмите, и мечъ духовный, который есть слово Божіе“ (Ефес. 6, 13—17). Важнѣйшимъ христіанскимъ оружіемъ въ духовной брани служить вѣра, являющаяся для христіанина - воина какъ бы великимъ щитомъ, охраняющимъ его отъ самыхъ сильныхъ нападеній врага. Отъ вѣры—истина, опоясующая чресла мысли христіанина, устремляющая его помыслы горѣ и не позволяющая имъ разсѣиваться въ житейской суетѣ; отъ вѣры—правда, или добродѣтельная жизнь, защищающая христіанина-воина, подобно панцырю, отъ прилѣпляющагося зла; вѣра же рождаетъ самоотверженную готовность на борьбу съ врагомъ, во имя Евангелія Божія, принесшаго намъ миръ; вѣра подаетъ духовный шлемъ, которымъ служить спасеніе или искупленіе, дарованное намъ во Христѣ; отъ вѣры и по вѣрѣ глаголь Божій, или евангельское слово, острѣйшее всякаго обоюдоостраго меча.

Слышатся намъ укоризненные слова Господа: *Симоне! спиши ли* (Марк. 14, 37)? *Тако ли не возмогосте единого часа побѣдѣти со Мною* (Матѣ. 25, 40)? Но слышатся намъ и другія слова: *Господи! научи ны молитися* (Лук. 11, 1); *Господи! приложи намъ вѣру* (Лук. 17, 5)! Подъ дѣйствіемъ живой вѣры и чистой, крѣпкой молитвы „все преодолѣемъ силою Возлюбившаго насъ“; ничто тогда „не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ“ (Римл. 8, 37. 39.). Никакая борьба не будетъ тогда намъ страшна; Господь пошлетъ намъ дерзновеніе Петрово и Іоанново (Дѣян. 4, 13).

Бдите и молитесь, да не внидете въ напасть: духъ убо бодръ, плоть же немощна. Станите, говорить

Труды Киевск. дух. Акад. Т. I 1904 г.

св. Апостолъ, *всякою молитвою и моленіемъ молящся во всяко время Духомъ* (Ефес. 6, 18). Если когда, то особенно теперь, нужна намъ духовная бодрствнность и трезвенность, потому что борьба съ внѣшнимъ врагомъ только тогда можетъ быть успѣшною, когда побѣдоносно ведется нами борьба внутренняя,—внутреннее очищеніе себя. Богу благодареніе, духъ нашъ бодръ! Мы возстали, какъ одинъ человекъ, на врага язычника, попирающаго всякія христіанскія отношенія. Какое, въ самомъ дѣлѣ, обнаружено между нами единеніе!.. Какой высокій подъемъ духа!.. Какія горячія молитвы!.. Какая безпредѣльная готовность все принести въ жертву Царю и отечеству!.. Нельзя слышать безъ истиннаго сердечнаго умиленія, какъ многіе лишаютъ себя иногда самаго необходимаго, лишь бы только принести и свою посильную лепту на великое русское дѣло, на защиту славы и чести святой Руси. Во имя Евангелія мира будемъ смѣло, въ надеждѣ на помощь Божию, вести борьбу съ врагомъ, нарушившимъ нашъ благословенный миръ. Много у насъ недоброжелателей, завистливо смотрящихъ на нашу силу и мощь, нашъ внѣшній и внутренній ростъ, но отъ всѣхъ ихъ избавить насъ Господь. Велики молитвы нашихъ русскихъ святителей и великъ духъ нашего народа въ годину тяжкихъ испытаній.

Богу благодареніе, духъ нашъ бодръ! Да не ослабитъ же его немощность нашей плоти! *Бдите и молитесь!*—Аминь.

Д. Богданевскій